

«НА ВЫСОТЕ 6000 ФУТОВ НАД ЧЕЛОВЕКОМ И ВРЕМЕНЕМ» (июльские заметки из путевого дневника, или 115 лет спустя)*.

Удачное путешествие не исчерпывается перемещением в пространстве, оно сродни мистическому или религиозному опыту. Каждый раз, отправляясь в путь, мы ставим своего рода экзистенциальный эксперимент, критерием успешности которого служит перемена в нас самих. Этот новый опыт нельзя позабыть или не заметить. Смена географических мест способна высветить скрытые за ежедневной суетой смыслы, властно озадачить неотвратимостью неожиданной цели, изменить вектор повседневности.

Долгожданная поездка в швейцарские Альпы застала меня врасплох, ведь никогда нельзя быть готовым к исполнению желания.

Энгадин принято считать местом, откуда берет начало философствование Фридриха Ницше¹. «Я не знаю ничего, что бы подходило моей натуре больше, чем этот горный уголок²», — написано на открытке, которую Ницше 23 июня 1881 года послал из Зильс-Мариа³ в Базель своему другу Францу Овербеку. Месяцы, проведенные в горах Энгадина, были для философа временем обдумывания и частичного написания работ, оказавших огромное влияние на интеллектуальную историю Европы, включая и Россию: «Веселая наука», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Генеалогия морали», «Казус Вагнер», «Сумерки идолов», «Дионисовы дифирамбы», «Антихрист». Именно здесь родились учение о вечном возвращении и связанная с ним идея сверхчеловека, составившие центральную парадигму творчества Ницше.

Можно ли узнать о человеке нечто существенное, побывав в тех краях, где он был счастлив? Яснее ли станет книга, если читать ее там, где она была задумана и написана? Что так настойчиво манит в дом Фридриха Ницше в Зильс-Мариа, к навсегда покинутым им горам и долине между озерами Сильваплана и Зильс, туда, где больше ста лет назад случилось событие рождения новых смыслов и мифов, к месту, где философ хотел бы умереть⁴? «Я ношу в себе что-то, чего нельзя почерпнуть из моих книг», — признался однажды Ницше Лу Саломе.

Зильс-Мариа – крошечная деревушка в открытой солнцу альпийской долине, соседствующая с роскошным современным горнолыжным курортом Санкт-Мориц. Дорога на поезде из Базеля на юго-восток Швейцарии, в Санкт-Мориц, занимает около 5 часов. Чтобы подняться в горы, необходимо сделать пересадку в городке Кур, столице кантона Граубюнден. Именно здесь начинаются чудесные превращения. Юркие, почти игрушечные трехвагонные альпийские поезда, с огромными как витрины окнами, совсем не похожи на двухэтажные первоклассные экспрессы. Да и пассажиры тут особенные: загорелые, шумные, оснащенные специальными горными палками и ботинками.

Путешествие по горам на поезде, стены которого напоминают рамы, обрамляющие головокружительной красоты пейзажи, сравнимо, пожалуй, с широкоэкранным просмотром фотографий Яна Артюсо-Бертрана.

Зильс-Мариа отделяют от Санкт-Морица несколько километров утопающей в цветах долины и озерного берега. Зильс-Мариа и сегодня состоит не больше, чем из пары десятков коттеджей, примостившихся у подножия Альп.

* Автор выражает благодарность Андрею Зубенко за возможность увидеть мир Ницше своими глазами.

¹ Подорога В.А. Метафизика ландшафта, М., Наука, 1993, с. 3.

² Письмо Фридриха Ницше Францу Овербеку от 23 июля 1881 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

³ Прежде было принято написание «Сильс-Мариа». Написание «Зильс-Мариа» введено в новом Полном собрании сочинений Ницше в 13 тт., Москва, Культурная революция, 2005

⁴ «Теперь я снова воссоединился с моей любимой Зильс-Марией в Энгадине, месте, где однажды я хотел бы умереть». Письмо Фридриха Ницше к Петеру Гасту от 1 июля 1883 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

В трех минутах ходьбы от центральной площади белеет добротный двухэтажный дом под серой черепичной крышей – Nietzsche House. Семь летних сезонов в 1880-х годах философ снимал здесь небольшую квадратную комнату с окном, смотрящим на гору. Здание отлично сохранилось и выглядит точно так же, как и на фотографиях столетней давности. Появилась лишь памятная табличка над входом.

Дому Ницше, типичному для Энгадина зданию девятнадцатого века, сейчас около 220 лет. Во времена Ницше строение принадлежало семье Дуриш (Durisch). Отец семейства Жан Дуриш в течение многих лет был главой общины Зильса. В доме была небольшая бакалейная лавка, в которой Ницше любил делать покупки, хотя обедал обычно в соседней гостинице Альпенроз. «Люди здесь добры ко мне и радуются моему возвращению, особенно маленькая Адриена, — писал Ницше 21 июня 1883 года матери и сестре в Наумбург, — прямо в доме, где я живу, можно купить английские бисквиты, солонину, чай, мыло, — да в общем все, что угодно. Это очень удобно...»⁵.

В начале прошлого столетия фамильный дом Дуриш был куплен расположенным поблизости отелем Эдельвайс. В 1958 году здание снова было продано, на этот раз предпринимательской фирме, которая планировала его перестроить. Но, к счастью, эта идея не была реализована, дом остался таким, каким и был.

Теперь Дом Ницше одновременно музей, исследовательский центр, гостиница для ученых и место проведения конференций, чтений, концертов, выставок. С 1980 года ежегодно в конце сентября тут устраивается знаменитый ницшевский семинар, на котором обсуждаются и интерпретируются тексты философа, а также осмысливается влияние его творчества на интеллектуальную историю Запада и Востока. Обычно Дом Ницше закрыт для посетителей; экскурсии тут бывают нечасто и о них нужно договариваться заранее, зато в летние и зимние месяцы Дом полон ученых и исследователей, арендующих семь комнат на втором этаже, по соседству с пристанищем Ницше.

Стены прихожей украшают фотоавтографы знаменитых гостей Дома Ницше. В крошечной кухоньке-магазинчике, при входе в дом, расположена выставка-продажа книг и буклетов о философе. Комнаты первого этажа отданы под экспозицию: тут хранится редчайшая коллекция фотографий Ницше, главным образом времен работы над сочинением «Так говорил Заратустра», его записи, письма, наброски, относящиеся ко времени, проведенному в Зильс-Мариа. В библиотеке собраны прижизненные издания работ Ницше, многие с авторскими дарственными надписями, а также полные собрания сочинений философа на разных языках. Тут же хранятся две посмертные маски Ницше. Одна подлинная, подаренная музеем семьей Элер (Oehler) – родственниками Ницше по материнской линии, другая была сделана позже, специально по заказу сестры, Элизабет Ферстер-Ницше, посчитавшей настоящую маску недостаточно выразительной.

⁵ Письмо Фридриха Ницше к Франциске и Элизабет Ницше от 21 июня 1883 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

Комната Ницше расположена на втором этаже: несколько деревянных ступеней вверх, по коридору первая дверь налево.

Дверь приотворена. Еще шаг, и я войду в комнату, которую, кажется, знаю до мельчайших подробностей по описаниям и снимкам. Столько раз я представляла себя стоящей на ее пороге. Еще шаг... Но я стою и не могу войти. В голове вихрь из обрывков слов, снов, воспоминаний. Какой долгой была дорога к этой комнате, и как внезапно я оказалась здесь. Наконец, я делаю шаг.

Тихо. Полумрак. Мягкий свет настольной лампы да приглушенные солнечные лучи, пробивающиеся через маленькое зашторенное окошко. На стене висит оплывшее зеркало в потемневшей раме. В нем комната кажется бесконечной из-за зыбких теней по углам. Как удивительно заглянуть в зеркало, отражавшее Ницше!

Я сажусь на диванчик около стола. Деревянный квадрат полупустой маленькой комнаты взглядывается в меня: небольшой шкаф, кувшин для умывания, стол, покрытый пестрым лоскутом и неширокая деревянная кровать, на черном покрывале которой высится что-то огромное, белое и бесформенное. Подхожу ближе. Передо мной... знаменитые усы Ницше!? – гипсовые усы величиной в человеческий рост. Какой странный портрет!

А действительно ли странный? Интересно, какая черта Ницше была бы более узнаваемой? Что именно становится сущностным и отличительным для нас в другом человеке на все времена? Завиток волоса, голос, смех, жест, аромат, мелодия... — все то, что рождает пронзительное чувство узнавания, к которому можно возвращаться всю жизнь, все то, что никогда не сотрется из памяти и не обветшает, на что как на нить станут нанизываться годы. А как мы сами узнаем свое отражение в зеркале, и как храним себя в собственной памяти? ...

Подхожу к окну и распахиваю его. Яркий сноп света мгновенно меняет все вокруг. Комната кажется наполненной полуденным солнцем и птичьим гомоном. Внизу по склону горы ловко вьется вверх тропинка, теряющаяся за деревьями. Вдруг я вижу еще один портрет – на сей раз портрет мысли – идеи вечного возвращения. На подоконнике стоит старая, разбухшая от времени и дождевой воды книга. Покоричневевшие и бугристые страницы, напоминающие кору, вывернулись наружу веером, сложив книгу в круг, похожий на сруб старого, могучего дерева. Верно, кто-то угадал этот символ давным-давно и оставил книгу тут, а может быть, она стала такой еще при жизни ее хозяина?

Пространство неотапливаемого жилища Ницше заполняют лишь самые необходимые предметы: кровать, стол со стулом, небольшой диван, умывальник, зеркало, лампа и свеча. Невероятно, но комната, в которой жил философ, и часть его мебели сохранились до наших дней в первоначальном виде. Для того чтобы чувствовать себя уютно, насколько это было возможно, Ницше на свои средства и по собственному вкусу оклеивал комнату обоями. Под слоем позднейших обоев хранители музея отыскивали оттенки коричневого, синего и зеленого.

В коридоре второго этажа, где расположена комната Ницше, находится постоянная выставка фотографий окрестных ландшафтов и подборка цитат из произведений мыслителей со всего мира о Верхнем Энгадине и Зильс-Мариа. Среди тех, кого пленили эти места — Теодор Адорно, Фридрих Дюрренматт, Герман Гессе, Карл Краус, Томас Манн, Марсель Пруст, Райнер Мария Рильке.

Побродив по дому влать, я вышла на крыльцо, села на ступеньки и подумала о том, что никуда уходить не хочу.

Дождик начался незаметно. Он был жарким и казался почти сухим. Капли воды ярко поблескивали в солнечных лучах и громко барабанили по дощатым ступенькам. Минут через десять дверь отворилась, и смотритель музея Иоахим Юнг, уже проговоривший со мной часа полтора о музее и своей работе, слегка улыбнувшись, предложил переждать дождик внутри и выпить чаю. Мы вновь сидели за круглым кухонно-письменно-бухгалтерским столом, заваленном рукописями и квитанциями, и говорили о Ницше, планах музея и Москве. Иоахим Юнг подробно рассказал, как найти в горах дорогу к знаменитому камню Ницше. «Но», — добавил он, — «вам не стоит идти в горы сегодня. Посмотрите, какие тяжелые тучи. Будет ливень. Думаю, вам следует отложить поход в горы до следующего раза». Я же не сомневалась, что этой прогулке ничто не помешает.

Один из моих друзей рассказывал, что любит вглядываться в небо, оно похоже на опрокинутое море. Не знаю, от чего больше захватывает дух, от неба, моря или от земли. Впервые в жизни я с замирающим сердцем пробиралась сквозь обжигающий дождевыми брызгами океан благоухающего луга. Дорога от Дома Ницше в горы идет по кромке луга к озеру Сильваплана, раскинувшемуся у самого подножия гор. Выплеснувшийся среди жаркого июльского дня дождь всколыхнул такие дурманящие медовые ароматы цветов и трав, что мне захотелось раствориться в этой цветочной круговерти. Я оставила дорогу и пошла к озеру напрямик, по целине, утопая по пояс в мокрых цветах и траве. Каждый порыв ветра окатывал меня новой пряной волной.

Горы в Зильс-Мариа, кажется, светятся изнутри. То ли земля тут особенная, то ли отраженное в изумрудном озере солнце дает такой странный эффект... А лес очень похож на подмосковную сосновую рощу. Ницше обходил озеро своим излюбленным маршрутом за 6-8 часов. Мне же, увы, нужно было успеть на последний сегодня поезд из Санкт-Морица. Короткая дорога к Камню Вечного Возвращения занимает чуть больше двух часов. Если верить биографам, первый привал Ницше в часе пути, там, где теперь высится огромный черный камень с высеченным на нем стихотворением «Песнь Заратустры»:

О, внемли, друг!
Что полночь тихо скажет вдруг?
«Глубокий сон сморил меня, —
Из сна теперь очнулась я:
Мир – так глубок,
Как день помыслить бы не смог.
Мир – это скорбь до всех глубин, —
Но радость глубже бьет ключом:
Скорбь шепчет: сгинь!
А радость рвется в отчий дом, —
В свой кровный, вековечный дом!»⁶

(перевод Юрия Антоновского)

Еще полтора часовой путь по горным тропинкам, и передо мной черная пирамида скалы, место рождения учения Ницше о вечном возвращении – формулы абсолютного принятия жизни со всеми ее взлетами и безысходными тупиками.

«Идея Вечного Возвращения, эта высшая формула утверждения, самая высокая, какую только можно постичь, датируется августом 1881 года. Я набросал её на листке бумаги с надписью: «На высоте 6000 футов над человеком и временем. Я гулял в этот день в лесу вдоль озера Сильваплана: около огромной скалы в форме пирамиды, недалеко от Сюрлея, я остановился. Здесь мне пришла в голову эта идея»⁷.

Ницше рассматривает Вселенную как максимально возможное, но конечное количество различных состояний. Время же величина бесконечная. Следовательно, всем событиям суждено повторяться бесчисленное число раз. Эта истина может раздавить человека, если он не определит целью своей жизни достижение состояния максимальной самореализации. Избежать зла и страданий невозможно, они — составная часть воплощения высшего смысла существования: ведь если изъять хоть одно событие из жизни, все последующее изменится, а значит, все в жизни должно

⁶ Фридрих Ницше, Так говорил Заратустра \\\ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 165-66

⁷ Фридрих Ницше, Эссе Ното \\\ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 743

восприниматься без отчаяния, как дар. Жизнь, к которой нужно стремиться, несет в себе огромную радость – радость от преодоления препятствий и чувства растущей власти, власти, прежде всего, над собой самим.

«Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твоё уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты её теперь живешь и жил, ты должен будешь прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанное малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности, — также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение, и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!» — Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты – бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!» Овладей тобой эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» — величайшей тяжестью бы лег на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не жаждать больше ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью? —»⁸.

Вечное возвращение — самое метафорическое учение Ницше, восходящее к античности, прежде всего к эллинской религии умирающего и воскресающего бога Диониса и к философии Гераклита.

В тех известных концепциях вечного возвращения, где воля отрицается, – в брахманизме, в учении о переселении душ у индийцев и египтян, в знании, утверждаемом пифагорейской школой, гностиками, манихеями, Эмпедоклом и Платоном, — возвращение оказывается злом, а жизнь и мысль направлены на то, чтобы препятствовать возвращению. Воспевающее же волю учение Ницше, в котором возвращение трактуется как вершина становления, становится пиком утверждения жизни.

Вечное возвращение выступает у Ницше законом свободной от морали воли: чего бы мы ни хотели (порока или добродетели), мы «должны» хотеть этого на все времена. Мир полужеланий невозможен; ведь случившееся хотя бы однажды наделяется могуществом активного утверждения. Поэтому вечное возвращение у Ницше избирательно. Оно несет освобождение и спасение: повторяется лишь то, что утверждает радость жизни. Вечное возвращение – самокатящееся колесо: оно гонит прочь все формы нигилизма и упадка.

Основу учения Ницше о вечном возвращении составляет попытка выстроить новую концепцию неметафизической действительности, смыслом жизни в которой становится личностное внутреннее самопреодоление, обретение воли к власти над самим собой, а целью человечества — созидание сверхчеловека.

Зильс-Мария⁹

Здесь я засел и ждал, в беспроком сне,
По ту черту добра и зла, и мне

Сквозь свет и тень мерещились с утра
Слепящий полдень, море и игра.

И вдруг, подруга! Я двоиться стал –
— И Заратустра мне на миг предстал...

(перевод Карена Свасьяна)

⁸ Фридрих Ницше, *Веселая наука, Величайшая тяжесть 341* \ \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 1, с. 660

⁹ Фридрих Ницше, *Песни принца Фогельфрай, Веселая наука* \ \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 1, с. 711

Существуют различные наброски этого стихотворения: первый, озаглавленный Ницше «Портофино», датирован осенью 1882 (т. 10, КСС, фр. 3 [3]); второй вариант без заглавия, см. там же, фр. 4 [122], ноябрь 1882-февраль 1883 (оба наброска содержат по четыре первых строки); третий вариант — набросок последних четырех строк, см. там же, фр. 4 [145]. В окончательном варианте Ницше соединил свои приморские впечатления (Портофино — мыс на берегу Генуэсского залива, близь Раппало, где он в то время жил) и свои альпийские впечатления.

Впервые Ницше приехал в Верхний Энгадин в конце июня 1879 года. 23 июня 1879 года он отправил матери в Наумбург открытку из Санкт-Морица: «Моя милая славная мама, после трех очень скверных недель (в Визене) я наконец прибыл в свое летнее убежище. Адрес: «Санкт-Мориц в Граубюндене, Швейцария». Пожалуйста, скрой ото всех, где я нахожусь. Иначе мне придется немедленно покинуть это место, которое мне так нравится, и которое оказывало на меня до сих пор действительно благотворное действие. Я не вынесу никаких визитов ... С любовью, Твой сын»¹⁰.

В Швейцарские Альпы Ницше отправился в поисках благоприятного, с точки зрения климата, пищи и возможности уединения, пристанища для своего измученного болезнью тела. «Приступы приходились на каждый день, проявились все мучительные осложнения (рвота и т.п.), — и тем не менее все, кажется, устроилось настолько благоприятно, насколько это возможно (диета, движение, покой, прекрасная и возвышенная природа горных хребтов, одиночество). Однако, как сейчас мне представляется, все это чистое экспериментирование с переменой мест ведет меня к гибели. Конечно, следует принять во внимание условия, которые в силу особенностей моей природы являются решающими (например, атмосферное электричество); именно поэтому я вынужден был испробовать жизнь в этих местах. Базель, Наумбург, Генф, Баден-Баден, почти все горные местечки, которые я знаю, Мариенбад, итальянская Сиенна и т.п. являются для меня местами, ведущими к гибели... мне часто приходит на ум, как тяжело и ужасно были прожиты мною последние два года, когда я уже терял всякое терпение, но только здесь, в Энгадине я могу не сдерживать слез. Именно в Энгадине, месте наиболее благоприятном для меня на земле, хотя и продолжаются приступы, как и повсюду, но проходят намного мягче и человечнее. Я испытываю продолжительное успокоение, не ощущаю никакого давления, а до этого испытывал его повсеместно; здесь всякие волнения прекратились. Я мог бы просить у людей только одного: «Оставьте мне только 3-4 месяца энгадинского лета, в противном случае я действительно не смогу далее выносить эту жизнь»¹¹.

Боль отступила, пришли творческое вдохновение и душевный подъем: «Я будто бы оказался в Земле обетованной... мне впервые стало лучше. Тут мое исцеление. Мне хотелось бы остаться в этих краях надолго», — писал Ницше сестре 24 июня 1879 года.

Двумя годами позже, 4 июля 1881 года, Ницше вернулся в Энгадин, чтобы провести свое первое творческое лето в Зильс-Мариа. Именно тогда, во время одной из горных прогулок, философа озарила идея вечного возвращения.

Лето 1881 года было временем окончания шестилетнего продумывания труда «Веселая наука», который обозначен у Ницше так: «все мое вольнодумство»¹².

Ницше оставался в Зильс-Мариа до начала октября, а на зиму перебрался в Италию, в Геную.

С 18 июня по 5 сентября 1883 года Ницше вновь в Зильс-Мариа.

«...Я приехал в Энгадин под дождем, совершенно продрогший: через несколько часов Зильс-Мариа была вся в снегу... Окрестности, весь энгадинский ландшафт и здешняя жизнь нравятся мне необычайно, это по-прежнему моя самая любимая местность — но здесь должно стать теплее!»¹³

Несколькими днями позже Ницше писал Карлу фон Герсдорффу в Острихен:

«...Дорогой друг, вот я и снова в Верхнем Энгадине, уже в третий раз, и вновь чувствую, что здесь и нигде более — моя настоящая родина, мои пенаты. Ах, сколько еще всего таится во мне такого, что хотело бы стать словом и формой! Насколько же тихо и высоко и одиноко должно быть вокруг меня, чтобы я смог расслышать самые сокровенные свои голоса!

Мне хотелось бы иметь достаточно денег, чтобы построить здесь своего рода идеальную конуру: я имею в виду деревянный домик с двумя помещениями, и притом на вдающемся в Зильзерзе полуострове, где некогда стояла римская крепость... Здесь живут мои музы: уже в «Страннике и его тени» я говорил, что с этой местностью я ощущаю «более чем кровное родство»¹⁴.

Этим летом Ницше переживал глубокий кризис, вызванный неразделенной любовью к юной Лу Саломе, ставшей позже знаменитой писательницей, психоаналитиком и роковой музой многих европейских гениев рубежа XIX-XX столетий. По признанию Ницше: «вряд ли когда-либо между

¹⁰ Письмо Фридриха Ницше Франциске Ницше от 23 июня 1879 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

¹¹ Nietzsche F. *Samtliche Briefe*. Berlin, New York, 1986. S 97-98. Bd. 6. Цит. по: Подорога В.А., *Метафизика ландшафта*, М., Наука, 1993, с. 162.

¹² Письмо Фридриха Ницше к Лу Саломе от 2 июля 1882 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

¹³ Письмо Фридриха Ницше к Франциске и Элизабет Ницше от 21 июня 1883 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

¹⁴ Письмо Фридриха Ницше к Карлу фон Герсдорффу от конца июня 1883 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

людьми существовала большая философская открытость, чем между Лу и мной...»¹⁵с20. Спустя десять лет после несостоявшегося романа, Лу Андреас-Саломе написала одно из лучших и по сей день исследований — «Фридрих Ницше в его сочинениях» (1894).

Петер Гаст, свидетель дружбы Ницше и Саломе, вспоминал: «В течение определенного времени Ницше был действительно заморожен Лу. Он видел в ней что-то необыкновенное. Интеллект Лу и ее женственность возносили его на вершину экстаза. Из его иллюзий о Лу родилось настроение Заратустры. Настроение, конечно, принадлежало Ницше, но именно Лу вознесла его на Гималайскую вершину чувства»¹⁶.

В конце июня, сразу по приезде в Энгадин, Ницше написал вторую часть «Так говорил Заратустра». В «Ессе Номо» он вспоминает: «...Летом, вернувшись домой, к священному месту, где мне сверкнула первая молния мысли о Заратустре, я нашел вторую его [сочинения «Так говорил Заратустра» — Ю.С.] часть. Десяти дней было достаточно; ни на первую, ни на третью и последнюю часть я ни в коем случае не употребил больше времени»¹⁷.

В ницшеведении распространено мнение, что философ не «чувствовал» природы и не пытался проникнуть в тайны природного бытия, поскольку в силу своего постоянного нездоровья и климатической зависимости, не мог занять позицию наблюдателя за внешним миром¹⁸. Не могу согласиться с этим утверждением. В «Заратустре» можно отыскать искусные зарисовки полуденного света, тишины гор, искрящихся ручьев, «зеленых лугов, окаймленных молчаливыми деревьями и кустарником»¹⁹, увиденные Ницше во время ежедневных многочасовых одиноких прогулок с маленькой записной книжкой, специально для путевых заметок подаренной ему сестрой. «Моя нетерпеливая любовь изливается через край в бурных потоках, бежит с высоты в долины, на восток и на запад. С молчаливых гор и грозных туч страдания с шумом спускается моя душа в долины... Я всецело сделался устами и шумом ручья, ниспадающего с высоких скал; вниз, в долины, хочу я низринуть мою речь»²⁰.

Энгадинские тексты Ницше порой наводят на мысль, что в его творчестве преобладает вектор восхождения. «Я, странник и скиталец по горам, говорил он [Заратустра – Ю.С.] в своем сердце, — я не люблю долин, и, кажется, я не могу долго сидеть спокойно. И какова бы ни была моя судьба, то, что придется мне пережить, — всегда будут в ней странствование и восхождение на горы: в конце концов мы переживаем только самих себя»²¹. Однако, перечитывая Ницше, соглашаешься с мнением эксперта, что философ «не переживает свой биографический и мыслительный опыт как опыт набора высоты... Делез прав, когда утверждает, что нельзя ограничивать воображаемое пространство Ницше «психизмом восхождения» (“psychisme ascensionnel”), как это сделал Башляр. Для Ницше нет и не может быть доминирующего вектора жизни...»²².

3 сентября 1883 года Ницше написал своему другу и секретарю Петеру Гасту в Венецию: «Мой дорогой друг, ну вот и снова мне пора расставаться с Энгадином: в среду я собираюсь уезжать – в Германию, где меня ждет немало дел... Этот Энгадин – место рождения моего Заратустры. Я как раз только что обнаружил первый набросок, в котором значится: «Начало августа 1881 года в Зильс-Мариа, в 6000 футов над уровнем моря и гораздо выше всего человеческого»... Кстати, не без огорчения я должен Вам сообщить, что теперь, в третьей части, бедняга Заратустра действительно впал в уныние – настолько, что Шопенгауэр и Леопарди рядом с его «пессимизмом» покажутся неопытными юнцами. Так должно быть по плану. Однако чтобы написать эту часть сам я нуждаюсь в глубокой, небесной ясности, — поскольку патетика высшего рода может удаваться мне лишь как игра.

¹⁵ ГБЛ, ф. 167, оп. 14 ед. хр. 62, л. 17. Цит. по: Эткинд А.М., Эрос невозможного: история психоанализа в России., С-П., МЕДУЗА, 1993, с. 20.

¹⁶ Написано в конце апреля 1884 года, Цит. по: Н.Ф.Петерс. My Sister, my Spouse.

¹⁷ Фридрих Ницше, Ессе Номо \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 748

¹⁸ «Путешествие Ницше оспаривает путешествие Гете: Ницше не «чувствовал» природы, ему чужда мысль о путешествии вдоль природных ландшафтов, регулируемом отработанными типами археологических или исторических дистанций наблюдения, путешествии, которое не видит перед собой ничего, кроме как застывших сколков прошедшего или проходящего времени...» См. Подорога В.А., Метафизика ландшафта, М., Наука, 1993, с. 156-161.

¹⁹ Фридрих Ницше, Так говорил Заратустра \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 77.

²⁰ Фридрих Ницше, Так говорил Заратустра \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 59.

²¹ Фридрих Ницше, Так говорил Заратустра \ Сочинения в двух томах под ред. К.А.Свасьяна, М., Мысль, 1990, т. 2, с. 108.

²² Подорога В.А., Метафизика ландшафта, М., Наука, 1993, с. 171.

Возможно, я разработаю тем временем еще и нечто теоретическое; мои наброски на этот счет озаглавлены: Невинность становления. Путеводитель по освобождению от морали...»²³

С 1883 года для Ницше стало традицией проводить в Зильс-Марии лето и начало осени, а зимовать в Ницце. Третье лето Ницше в Зильс-Марии длилось с 15 июля по 26 сентября 1884 года. В 1885 году Ницше прожил в своем энгадинском жилище с 7 июня до середины сентября 1885 года. С начала июля до 25 сентября 1886 года Ницше работал в Зильс-Марии пятое лето.

Шестой энгадинский сезон длился с 12 июня до 21 сентября 1887 года.

В этот приезд Ницше в Зильс-Мария, во время его работы над «Генеалогией морали», философа навестили его товарищ со студенческих лет в боннском университете Пауль Дойссен с женой. Друзья не виделись почти четырнадцать лет: «Какая перемена произошла в нем за это время, — писал позже Дойссен, — Не было более ни гордой осанки, ни гибкого шага, ни плавной речи прежних лет. Казалось, он с трудом таскает ноги, речь его была замедленна и постоянно прерывалась. Может быть, это был один из его плохих дней. «Мой дорогой друг, — сказал он печально, указывая на проплывающие сверху облака, — мне нужно, чтобы надо мной было голубое небо, чтобы я мог собраться с мыслями». Потом он повел нас к своему любимому месту. Я до сих пор с отчетливой ясностью помню поросший травой участок у скалы, под которой бежал горный ручей. «Вот, — сказал он, — где я больше всего люблю лежать и где меня посещают наилучшие идеи»... На следующее утро он повел меня в свое жилье, или, как он выразился, в свою пещеру. Это была простая комната... Обстановка самая что ни на есть простая. По одну сторону стояли его книги, в большинстве хорошо известные мне еще с прежних дней, возле них помещался грубый стол с кофейными чашками, яичной скорлупой, рукописями и туалетными принадлежностями, наваленными в беспорядке, далее — полка для обуви с ботинком и все еще необуванная постель».²⁴

Лето 1888 года стало последним летом Ницше в его любимых горах.

С 6 июня до 20 сентября он работал тут над «Дионисовыми дифирамбами», и одновременно писал «Сумерки идолов» и «Антихриста».

В одном из последних писем из Зильс-Мария, датированном 7 сентября 1888 года, Ницше писал: «В последнее время я был весьма прилежен, - до такой степени, что мне впору забрать назад стенания моего последнего письма об «утонувшем лете»²⁵. Мне даже удалось нечто большее, нечто, чего я от себя и не ожидал... Правда, вследствие этого моя жизнь в последнее время пришла в некоторый беспорядок. Несколько раз я вставал ночами, часа в два, повинуюсь «призыву свыше», и записывал то, что перед тем рождалось у меня в голове. А потом можно было услышать, как хозяин дома, господин Дуриш, осторожно открывает входную дверь и выскальзывает наружу — охотиться на серн. Как знать, быть может, и моя охота была охотой на серн... Совершенно удивительный день был третьего сентября. Утром я писал предисловие к моей «Переоценке всех ценностей», самое гордое предисловие, быть может, из всех, что до сих пор писались. После этого я выхожу из дома, и что я вижу? Самый прекрасный день, какой мне приводилось видеть в Энгадине. Сочность всех красок, синева озера и неба, ясность воздуха, - что-то невероятное... Так казалось не только мне. Горы, белоснежные до самого подножия, - поскольку у нас стояли настоящие зимние дни - только лишь усиливали это сияние»²⁶.

Покинув Зильс-Мария, Ницше отправился в Турин, где и произошло событие, получившее в истории имя «туринской катастрофы». 3 января 1889 года, выходя из дома на Пьяццо Карло Альберто, где он снимал комнату, Ницше увидел, как извозчик избивает изможденную лошадь. Ницше бросился на ее защиту, и потерял сознание. Очнувшись после апоплексического удара, он так и не пришел в себя. Последние десять лет жизни философ прожил в беспомощности.

Последний раз уезжая из Зильс-Мария, Ницше оставил в своем жилище книги и груды рукописей. Он надеялся вернуться будущим летом, и попросил домовладельца Жана Дуриша подготовить для него комнату к следующему июню, а оставленные обрывки бумаг и заметки сжечь как мусор, поскольку они ему больше не понадобятся. Однако жечь бумаги Дуриш не стал. Он вынул их из

²³ Письмо Фридриха Ницше к Генриху Кезелицу (псевдоним Петер Гаст) от 3 сентября 1883 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

²⁴ Deussen Paul. Erinnerungen an Friedrich Nietzsche. S. 20. Цит. по: Холлингдейл, Р.Дж., Фридрих Ницше: трагедия неприкаянной души, М., Центрполиграф, 2004, с. 264-65.

²⁵ В предыдущем письме тому же адресату от 22 августа говорилось: «По сравнению с прошлым летом... это кажется прямо-таки «затонувшим». Что для меня чрезвычайно огорчительно — ведь впервые у меня выдалась весна, из которой я почерпнул столько сил, куда больше, чем из прошлогодней. И все было подготовлено для выполнения *большой и совершенно определенной задачи*» (прим. Переводчика)

²⁶ Письмо Фридриха Ницше к Мете фон Салис ауф Маршлинс от 7 сентября 1888 года. Собрание писем Ницше в переводе И.А.Эбонаидзе, Культурная революция, 2007, с.

корзины для мусора, подобрал с пола, и убрал в шкаф. Позже, когда почитатели Ницше и просто любопытствующие туристы начали приезжать в Зильс-Мариа, чтобы посмотреть на дом, где жил скандально знаменитый «сумасшедший» философ, Дуриш доставал охапки черновиков, и приглашал всех желающих выбрать для себя что-нибудь на память. Об этой практике стало широко известно из заметки, напечатанной в рубрике новостей осеннего выпуска «Magazine für Literatur» за 1893 год.

Посланец семьи Ницше вскоре добрался до Дуриша и тот, не желая нарываться на неприятности, без промедления отослал всю кипу оставшихся брошенных бумаг сестре философа Элизабет Ферстер-Ницше, которая тут же поместила их в архив. При составлении «Воли к власти» эти бумаги попали в число «рукописей», из которых происходил отбор материала. Черновым записям, наброскам и афоризмам Ницше 1880-х годов, из которых и сложилась «Воля к власти», Фёрстер-Ницше придавала особое значение, считая, что это — «главная книга» ее брата, его подлинный «опыт переоценки всех ценностей».

Часть неопубликованных рукописей и записных книжек Ницше – Nachlass («Наследие»), осталась в Генуе и Турине. Из сочинений 1888 года к этому времени изданы были: «Казус Вагнер» (полностью), «Ессе Ното» и «Ницше против Вагнера» (частично). Текст сочинения «Сумерки идолов» был подготовлен к изданию, а «Антихрист» и «Дионисовы дифирамбы» оставались в рукописях. Опекуном Ницше и распорядителем его бумаг сначала была мать философа – Франциска, но фактически всем распоряжалась сестра — Элизабет, получившая официальные авторские права на издание наследия брата в 1895 году. Отношения сестры и брата были непростыми, а в 1880-е годы стали крайне напряженными. Сестра была для Ницше воплощением всего, что он отвергал: мещанства, антисемитизма, национализма.

В начале 1894 года в Наумбурге сестра основала «Архив Ницше», позже переехавший в специальное здание в Веймаре, служившее последнем пристанищем философа, где хранились его рукописи, черновики, письма.

«Архив Ницше» пережил разные времена. Дурной славой Архив обязан своей хозяйке — Элизабет Фёрстер-Ницше, преданной стороннице идеологии Третьего рейха в 1920—1930-е годах, не скрывавшей своих антисемитских настроений. Широко известна фотография 1934 года, на которой Гитлер, стоя на пороге «Архива», целует руку сестре Ницше, преподносящей ему в подарок трость философа. В то же время среди друзей и гостей «Архива Ницше» были Томас Манн, Герхарт Гауптман, Гуго фон Гофмансталь, Рихард Демель, Детлев фон Лилиенкрон. По свидетельству историка: «приглашение посетить «Архив» считается большой честью. Немецкие профессора предлагают дать Элизабет Нобелевскую премию, норвежский художник Эдвард Мунк пишет ее портрет, а шведский банкир и меценат Эрнест Тиль жертвует ей огромную сумму (на этой основе возникает в 1908 году Фонд Ницше, осуществляется ряд изданий и т. д.). В 1921 году, в связи с 75-летием, Э. Фёрстер-Ницше получает от Йенского университета титул почетного доктора»²⁷.

И все же на Элизабет Фестер-Ницше лежит основной груз ответственности за нацистский миф о Ницше и тот факт, что имя философа прозвучало на Нюрнбергском процессе, в речи государственного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона, назвавшего Ницше «предтечей национал-социализма».

Не слишком разбираясь в философии и филологии, сестра перекраивала тексты Ницше по своему разумению, искажая авторскую волю, уничтожала «ненужные», по ее мнению, документы, бесцеремонно «редактировала» его рукописи и письма.

Стеллажи в коридоре первого этажа Дома Ницше в Зильс-Мариа содержат документы, иллюстрирующие махинации сестры. Именно там, по свидетельству Петера Блоха,²⁸ Джоржо Колли и Мадзино Монтинари торжественно заявили о своем решении опубликовать новое Критическое Издание сочинений. Это издание, осуществленное в 1960-80-х годах, явилось центральным событием процесса денацификации наследия Ницше.

За последние полвека дом в Зильс-Марии приобрел статус хранилища истинного, глубоко личного мира Ницше, став своеобразным антиподом официозу веймарского «Архива Ницше», центра едва ли не всех фальсификаций ницшевской философии, превратившего философа из живого человека в нарицательный миф культуры. И все же, судьба Ницше спустя больше столетия после его гибели, остается опытом смещения привычных координат, примирения непримиримого и раскалывания целостного. Сегодня за мифом едут Энгадин, а Ницше-архив в Веймаре – превратился в место академически-строгого изучения наследия философа.

²⁷ Азадовский К.М. Русские в «Архиве Ницше» // Фридрих Ницше и философия в России, сб. ст под ред. Н.В.Мотрошиловой и Ю.В.Синеокой, С-П., Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999, с. 111.

²⁸ Bloch, Peter, The Nietzsche House in Sils-Maria, Calanda Verlag, p. 12.

На обратном пути меня не оставляло тягостное чувство, что я ухожу, заглянув лишь ненадолго в гости к близкому человеку, с которым пора расставаться, но невозможно объяснить ни ему, ни себе, почему, это нужно делать так скоро, ведь все повседневные объяснения выглядят по меньшей мере нелепо. А еще я одновременно ликующе и тревожно знала, что прошла теми заветными тропинками, которые не ведут назад, и теперь, как бы далеко я не ушла отсюда, не уехала, не улетела, во мне навсегда останется это мир, пропитавший меня насквозь.

Мне показалось, что я была последней, кто забрался в почти пустой ярко-красный трехвагонный поезд, готовый через пару минут отправиться по горам и тоннелям прочь от Санкт-Морица. Облокотившись на рюкзак, я закрыла глаза. Показавшийся мне сначала горным эхом шум нарастал стремительно. Я взглянула в окно и ничего не увидела. Оконное стекло было залеплено толстой пленкой воды. Ливень обрушился в мгновение ока. Поезд так и не тронулся с места. Потоки воды меньше чем за четверть часа затопили пути. Кажется, меня не хотят отпускать! Часа через два уже в сумерках поезд тронулся. Дождь так и не перестал, но теперь он устало, будто через силу, лениво моросил по-осеннему. Я смотрела на струйки воды, бесконечно стекающие по стеклу. Было пусто и пасмурно. Через некоторое время около меня остановилась тележка с буфетной снедью. Проводник, наливавший мне чай, сказал: «я слышал, двойную радугу можно увидеть нечасто, вы видели такое раньше?» Я повернулась и увидела в окне напротив две огромные семицветные улыбки с неба до земли.